

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т. С. Кузнецова

ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ЗАГАДКАХ ЭКСЕТЕРСКОГО КОДЕКСА

Предлагаются варианты трактовки загадок, в которых объяснения о их принадлежности к языческой или христианской традиции вызывают у исследователей затруднения, также рассмотрены представления англосаксов о времени и пространстве.

Древнеанглийские загадки представляют собой один из малых жанров древнеанглийской поэзии, входящих в состав Эксетерского кодекса. Леофрик, епископ Эксетерский (умер в 1072 г.), преподнес его в дар библиотеке своего монастыря в городе Эксестере (юго-западная Англия), где он хранится до настоящего времени. Объем кодекса составляет 130 листов, и он является сборником поэзии на разные темы, связанные в основном с христианством [The Exeter Book Riddles, xii]. Единственный перевод на русский язык нескольких произведений, входящих в кодекс, был осуществлен В. Г. Тихомировым и доступен в книге «Древнеанглийская поэзия». В нее входят элегии «Скиталец» и «Морестранник», оплакивающие былые времена и имеющие назидательные вставки, а также шесть отрывков, состоящих из более чем 350 стихов, полностью принадлежащих германо-скандинавской языческой традиции: «Видсид», «Деор», «Вульф и Эадвакер», «Плач жены», «Послание мужа» и «Руины». Помимо этих произведений, в сборнике «Древнеанглийская поэзия» представлены изречения, или гномические стихи, стихи «О дарованиях человеческих» и «Кит», относящиеся к древнеанглийскому Бестиарию, и тринадцать загадок.

Загадки, являющиеся предметом данной статьи, находятся в последней части Эксетерского кодекса в трех местах: текст загадок начинается с листа 101a и продолжается до 59-й загадки, за которой следуют «Плач жены», семь произведений религиозного содержания и вторая группа загадок, а именно 30-я (иногда обозначаемая как 30b и являющаяся идентичной загадке 30) и 60-я. Далее текст загадок снова прерывается, на

этот раз «Посланием мужа» и «Руинами», после которых в самом конце рукописи находятся загадки: с 61-й по 95-ю. Несколько последних листов манускрипта существенно повреждены, вероятнее всего, огнем [см.: Ibid], и это не дает возможности судить о том, чем оканчивается текст. Тем не менее можно сделать предположение, что изначально в кодексе было сто загадок. Отгадки к загадкам в кодексе отсутствуют.

Наиболее значительная библиография, перевод древнеанглийских загадок на современный английский язык и различные версии отгадок к ним представлены в следующих изданиях: *Tupper F. Jr.* The Riddles of the Exeter Book. Boston, 1910; *Wyatt A. J.* Old English Riddles. L., 1912; *Krapp G. P., Dobbie E. V. K.* The Exeter Book. N. Y., 1936; *Paull F. Baum* Anglo-Saxon Riddles of the Exeter Book. Durham, 1963; *Williamson C.* The Old English Riddles of the Exeter Book. Chapel Hill, 1977; *Crossley-Holland K.* The Exeter Book Riddles. Harnondsworth, 1993; *Porter J.* Anglo-Saxon Riddles. Norfolk, 2003.

Хотя точная дата создания загадок лишь предполагается (начало VIII в.) [см.: The Exeter Book Riddles, xiii], с уверенностью можно утверждать, что, подобно другим памятникам древнеанглийской поэзии, загадки лежат на стыке устной и письменной традиций и, как следствие, на периферии традиций языческой и христианской (письменность пришла на Британские острова вместе с христианством в VII в.). Именно такое промежуточное положение загадок обуславливает трудности в их истолковании и отсутствие единого мнения исследователей относительно их отгадок. Цель данной статьи — выявить языческие и христианские мотивы в некоторых наиболее сложных для трактовки загадках Эксетерского кодекса и дать их истолкование и отгадки в связи с предложенными интерпретациями.

Тематика загадок весьма многообразна. Она охватывает близкий людям предметный, «вещный мир» и их конкретную практическую деятельность. Загадки редко обращаются к изображению философских и обобщающих родовых понятий. В них преобладают предметы зрительного и слухового восприятия, то, что человек видит или слышит, может быть предметом загадки. В блоке загадок Эксетерского кодекса можно выделить несколько тематических групп: 23 загадки о человеке (о пище, занятиях и ремеслах, досуге); 21 о животных; 15 об оружии и военном деле; 13 о явлениях природы, небе, земле, воде; 9 на религиозные темы и 5 загадок о грамоте, письме и книге.

Загадки, связанные с религией, как свидетельствует сказанное выше, занимают лишь пятое место по количеству среди общего числа загадок Эксетерского кодекса (всего в кодекс входит 95 загадок); однако в данную группу можно включить и загадки, не повествующие напрямую о предметах языческого и христианского быта, но так или иначе затрагивающие их, отражающие их в своих образах.

Развитие литературы, введение письменности с распространением христианства отразились на образах и композиции загадок. Вероятно, это объясняется модификацией жанра загадки под воздействием произведений, принадлежавших письменной традиции. В тематическом разделе о предметах религии возникает новый тип построения. Эти загадки-рассказы, повествования, начинавшиеся с религиозных назидательных притч, которые пришли из учительной, назидательной литературы, притч на мотивы Ветхого и Нового завета. Загадки Эксетерского кодекса подобного рода имеют прямые аналоги в традиции латиноязычной литературы (в том числе в загадках таких авторов, как Симфозий (IV—V вв. н. э.), Альдхельм (?640—709), Татвин (умер в 734 г.) или Эвсепий (VIII в. н. э.)). Часто это уже не загадки, а скорее стихотворения религиозного содержания.

Непосредственно связаны с христианским мировоззрением загадки про душу и

тело (загадка 43¹), душу и землю, кровосмесителя Лота (46). Целиком книжного характера загадки о христианской вере (67), предметах церковного убранства (елее, потире, дискосе — 48, 59), кресте, на котором был распят Иисус Христос, Сотворении мира и Апокалипсисе (40, 66, 94). Вероятно, эти загадки принадлежат перу автора-клирика, знавшего и языческие мифы, и латинские стихи, и произведения отцов церкви и искусно владевшего английским стихом.

С другой стороны, существуют в Эксетерском кодексе загадки, в которых старое борется с новым, христианское еще не вытеснило языческое. Таких загадок больше и не все входят в тематический раздел о предметах христианской религии. Они менее статичны и более непонятны, нежели упомянутые выше, а потому дают почву для многих вариантов отгадки, вызывая у исследователей разногласия относительно их истолкования. Далее мы обратимся к некоторым загадкам Эксетерского кодекса, представляющим наибольший художественный интерес и вызывающим затруднения при отгадывании.

Первые три загадки Эксетерского кодекса — драматическое описание шторма. В них прослеживается типичное для древнего народа сочетание языческих страхов, боязнь материального зла, исходящего от стихии как неукротимой природной силы, и соотнесения последней с волей христианского Бога. В загадке 3 присутствует попытка объяснить ранее непонятные явления природы божественной волей, карающей смиренного человека:

Stille þynceð
lyft ofer londe ond lagu swige, oþþæt ic of enge
up aþringe,
efne swa mec wisað se mec wræde on
æt frumsceafte furþum legde,
bende ond clomme, þæt ic onbugan ne mot
of þæs gewearde þe me wegas tæcneð.

[Porter, 2003, 13–14]

Тих
воздух над землей и спокоен океан,
пока я из пещеры не появлюсь,
когда заставляет меня тот, кто владел мной
при сотворении мира и похоронил меня,
сковал и обездвижил так, чтобы я не мог
двигаться из-за той силы, что
владеет мной².

На христианское восприятие шторма указывает то, что в загадке упоминается «господин» стихии, т. е. она утрачивает свою силу как таковая, она уже не божество. 12–14-й стихи этой загадки относятся к ветхозаветному Потопу и тем самым непосредственно вводят в произведение библейский мотив подвластности стихии Богу. С другой стороны, в ней много языческого. Можно разглядеть столь характерные для древних германцев образы мифологических Водена (Водана, скандинавского Одина) и Тунора (скандинавского Тора). Воден представлялся англосаксам летящим по небу богом смерти, битв, мудрости, первооткрывателем рун. Вот как описывает Водена Р. Бранстон в книге «Потерянные боги Англии»: «...Темной ненастной ночью неся он по небу, возглавляя сонм потерянных беспокойных душ»³ (пер. автора). Нечто подобное мы видим в первых трех загадках, в частности в загадке 1:

¹ Номера загадок Эксетерского кодекса указываются по изд.: Porter J., 2003.

² Здесь и далее перевод древнеанглийского текста выполнен автором статьи.

³ «...On black and stormy nights he racketed across the sky at the head of his wild Hunt of lost and noisy souls» [Branston, 1974, 112].

Hæbbe me on hrycge þæt ær hadas wreah
foldbuendra, flæsc ond gæstas,
somod on sunde.

Я несу на спине то, что раньше укрывало
людей, плоть и душу,
вместе, в море.

[Porter, 2003, 10]

Однако более вероятным кажется изображение в загадке второго из упомянутых языческих богов — Тунора. В отличие от Водена, бога королей и высших сословий, Тунор — бог простых людей, крестьян, а загадка, как известно, во многом именно народный жанр. «Т[ун]ор, как говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем» [Смирницкая, 1989, 25].

Древнеанглийское слово *þunorrad* (современное английское *thunder-riding*) восходит к верованию, что бог Тор (Тунор) ездил по небу в колеснице, запряженной ослом. Когда англосаксы слышали раскаты грома, они знали, что он мчится по небу. Это они и называли *þunorrad*. Описание шторма в 1–2-й загадках похоже на языческое восприятие Тунора:

Hwilum ic þurhræse, þæt me on bæce rideð
won wægfatu, wide toþringe
lagustreama full, hwilum læte eft
slupan tosomne.

Иногда я мчусь сквозь облака, которые несу
на своей спине, рассекая спокойные волны
моря, иногда позволяю волнам утихнуть.

Или в 3-й загадке:

...Earpan gesceafte
fus ofer folcum fyre swætað,
blacan lige, ond gebrecu ferað
deorc ofer dryhtum gedyne micle...

... Земля неистово окружает людей огнем,
черным дымом, и великий хаос царит над
господней землей,
несется яростно...

[Porter, 2003, 15–16]

Такое восприятие грозы, шторма едва ли можно назвать лишенным всяких языческих суеверий. Стихия, даже подчиненная воле нового Бога, олицетворяется, она неподвластна человеку и обладает невероятной разрушительной силой. Таким образом, первые три загадки Эксетерского кодекса представляют собой синтез языческого и христианского в древнем сознании, еще не вполне избавившемся от веры во всемогущество сверхъестественного.

Загадка 83 не включается в тематическую группу загадок о предметах, связанных с религией. Ее отгадка — *железо*. Эта загадка не совсем понятна [The Exeter Book Riddles, 1993, 116]: текст первых восьми стихов подвергался множеству исправлений, и любой перевод до некоторой степени оказывался лишь догадкой.

Frod wæs min **fromcynn**
biden in burgum, siþþan bæles weard

Древние предки мои
Жили в городах с тех пор, как я был
хранителем огня, пламенем очищен,

...wera life bewunden,
fyre gefælsad. Nu me fah warað
eorþan broþor, se me ærest wearð
gumena to gyrne. Ic ful gearwe gemon

Людским... Сейчас меня враг и брат земли
держит в заточении, тот, что был первопри-
чиной моей тоски, тот, что мои корни в
земле уничтожил, моих предков;

hwa min fromcynn fruman agette
eall of earde; ic him yfle ne mot,
ac ic **hæftnyd** hwilum arære
wide geond wongas.

Воспоминание возвращается; я не могу
причинить ему вред,
Но по всей земле, снова и снова я скрепляю
узы.

[Porter, 2003, 112]

Основным предметом разногласий является образ *хранителя огня* (*bæles weard*) в загадке. Одни комментаторы настаивают на библейском сюжете, заимствованном загадкой. По их мнению, это Тувалкаин, потомок ветхозаветного Каина: «Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа» [Библия, 1994, 14]. Эта версия убедительна и близка по содержанию 83-й загадке. Но в равной степени «хранитель огня» может быть и мифологическим Суртом, огненным великаном, сжигавшим мир во время Рагнарёка и правившим в древнегерманской мифологии жарким Муспельхеймом (миром Огня). Он существовал до сотворения земли, когда миры огня и льда поглотила великая бездна Гиннунгагап, и впервые появилась жизнь. Преимущество этой версии перед предыдущей, на наш взгляд, состоит в том, что она обращается к предметам мифологии, которая долгое время была основным вероучением англосаксов. Ее сюжеты были им более знакомы, нежели столь незначительный эпизод из Библии, сводящийся, фактически, к одному предложению. Возникает в загадке с р е д н ы й мир (древнеанглийский *middangeard*), который восстанавливает иерархию языческого мира (см. об этом далее). Однако нельзя забывать, что велика вероятность того, что загадки Эксетерского кодекса — произведения церковные, и тогда их тематикой может быть часто незнакомый обывателю эпизод.

Непосредственно связаны с появлением новой веры изменения в представлениях англосаксов о времени. В загадках эти изменения отражены повсеместно. Представления англосаксов о времени архаичны. На это указывает загадка 22, посвященная декабрю. Здесь удивительным образом сочетаются воззрения язычников и новообращенных. Для язычников «время прерывно, не бесконечно, не единообразно и обратимо» [Смирницкая, 1989, 45]. Об этом говорит хотя бы то, что год для англосаксов был отделен от следующего за ним: это своего рода новый этап жизни, и чтобы вступить в него, необходимо пересечь (по загадке) водяной канал. Два года — это два берега одной реки, в чем уже заключается «двусторонность» древних представлений о времени. Река — вечно текущая, непрерывная, движение вод в ней необратимо; берега отделены друг от друга, они никогда не движутся, значит, они постоянны. Время и циклично и прерывно. То, что оно казалось конечным, восходит к мифам о создании мира языческими богами. «Создание мира было созданием времени, то есть его началом» [Там же, 45]. Все же сущее циклично согласно христианскому вероучению. Отсюда противоречие в трактовке времени. С одной стороны, время — чередование его природных единиц (частей суток, фаз луны, лет и зим), о чем свидетельствует загадка 22:

...Ætsomne cwom LX (*sixtig*) monna
to wægstæpe wicgum ridan;
hæfdon XI (*enleofan*) eoredmæcgas
fridhengestas, IIII (*fewer*) sceamas.

...Вместе приехали LX человек
К морскому берегу на лошадях верхом;
Были у XI всадников
Скакуны мира, IIII [из них] белые.

[Porter, 2003, 40]

Шестьдесят всадников в этой загадке — шестьдесят полусуток (т. е. тридцать дней, тридцать ночей), одиннадцать из них — четыре воскресенья и семь христианских праздников (праздник Непорочного зачатия — 8-е декабря, дни Св. Николая, Св. Фомы, Рождество, дни Св. Стефана, Иоанна Богослова и день Избиения Младенцев). Такое истолкование говорит о времени как о непрерывном процессе. С другой стороны, возникновение такого чередования оказывается результатом деятельности богов — того, что они упорядочили небесные светила в пространстве или создали фазы луны или того, что они дали названия природным единицам времени. И «время трактуется как

хотя и непрерывное, но не бесконечное, поскольку оно не существовало до тех пор, пока не было сотворено» [Смирницкая, 1989, 45] языческими богами.

Мы видим также, как концепция времени англосаксов трансформируется в соответствии с новой верой. При сохранении древнего дохристианского счета «половинами» появляются с е м ь христианских праздников. С большой долей уверенности можно предположить, что загадки подобного рода восходят к еще более древним, входившим в зимний календарно-обрядовый цикл [см.: Леннурт. Электрон. ресурс]. Он был общим для многих европейских и азиатских народов, а загадки о времени являлись составной его частью.

Герои Ветхого и Нового завета, святые, какими они представлялись в легендах церкви, появляются в произведениях древнеанглийской литературы. Отношение к ним мало чем отличалось от прославления языческих идолов. Языческая Судьба (древнеанглийское *Wyrd*) превращается в Святое Провидение, английские короли и их окружение сменяются Христом и его апостолами, верность древнеанглийским монархам преобразуется с приходом христианства в почитание Сына Божьего. То же происходит с восприятием окружающего мира. Не понятное доньше явление видится по-иному сквозь призму синтеза языческого и христианского. Показательна в этом отношении 39-я загадка, в которой говорится о луне — создании, не имеющем души и жизни, которое должно странствовать и помогать людям в этом «срединном мире»:

Ne hafað hio sawle ne feorh, ac hio sipas sceal
geond þas wundorworuld wide dreogan.
Ne hafaþ hio blod ne ban, hwæpre bearnum
wearð
geond þisne **middangeard** mongum to frofre.

[Porter, 2003, 62]

В нем нет ни души, ни жизни, но он следы
Оставляет в этом мире чудес глубокие.
У него нет ни крови, ни костей, и все же
принесло
Оно утешение многим в этом **срединном**
мире.

Мир людей в языческой мифологии называется *middangeard* (*мидгард* — в скандинавской мифологии), т. е. он по-прежнему противопоставлен миру богов, или теперь уже единого христианского Бога, что не противоречит языческой концепции бытия англосаксов. Сохраняется трехмерное деление пространства, деление верх — середина — низ (рай — земля — ад).

Появляется здесь упоминание о неперемнной для христианства душе (древнеанглийское *sawle*), которое у древних накладывается на языческое *ferhð*, или *hamingia*, что буквально можно перевести с древнеанглийского и древнескандинавского как *личный дух*.

Отсутствует в этой загадке какая-либо борьба между языческими и христианскими божественными началами:

Næfre hio heofonum hran, ne to helle mot,
ac hio sceal wideferh **wuldorcyninges**
larum lifgan. Long is to secganne
hu hyre ealdorgesceaft æfter gongedð,
woh Wyrda gesceapu...

[Porter, 2003, 62]

Никогда оно не касалось небес,
не спускалось в ад,
Но оно должно вечно **господина мира**
наставлениями жить. Много времени
займет рассказ о его будущей жизни и пути
по извилистой дороге Судьбы.

В стихах загадки они следуют друг за другом. Луна существует в соответствии с «наставлениями», законами, установленными Богом, и путями «по извилистой дороге Судьбы». Вероятнее всего, авторами загадок были церковники, но они решительно

боролись за примирение Судьбы и Бога в сознании англосаксов, чем и объясняется кажущееся противоречие в их параллельном существовании или даже сосуществовании.

Все вышесказанное никак не противоречит тому, что в загадке одна и та же вещь может быть представлена или выражена столь многими способами, что ее легко скрыть под покровом бесчисленного количества самых разнообразных вопросов-загадок. Часто решение загадки заключается в знании определенного священного или тайного имени вещей, так необходимого древнему человеку. Последовательные переходы от мотивов языческих к христианским «устанавливают связь между священным поединком в загадках о происхождении вещей и состязанием в каверзных вопросах о жизни и благе — с богословско-философским диспутом. К этой же линии примыкают и другие диалогические формы, такие, как ритуальное славословие и катехизис» [Хейзинга, 1997, 117]. Загадки (в том числе и загадки Эксетерского кодекса) несут в себе еще немало следов примитивной игровой формы. Типично богословские вопросы относительно учения, образа жизни и ритуала постоянно чередуются с древними космогоническими вопросами, чисто катехизисными по типу, касаются происхождения и характера благочестия, различения добра и зла, всевозможных сторон непорочности, противодействия злему духу и т. д. [см.: Там же, 1997, 118].

Издревле было привычно мыслить обо всем как о двойственности противоположностей, видеть во всем состязательность. Об этом свидетельствуют и загадки на библейские мотивы. Все они в основном принадлежат книжной традиции, хотя и созданы по законам построения загадок дописьменного и дохристианского периодов. Упомянутая двойственность нашла свое отражение и здесь, в текстах даже тех загадок, в которых нельзя предположить противостояния языческого и христианского (т. е. загадках, переведенных с латинского языка или опирающихся на канонические тексты), загадках о Библии (загадки 26, 67).

В загадках, предметом которых являются Евангелие или книги Священного Писания, все еще присутствует языческое восприятие предмета как наделенного материальной, собственной силой, не зависящей от содержания книги, хотя слово *книга* встречается во многих других древнегерманских текстах, но по преимуществу в связи с христианской ученой традицией или в связи с переводами латинских сочинений. Противоречие, возникающее при истолковании таких загадок, в которых встречается метафорическое олицетворение, заключается в том, приписывает ли автор «блага» пользу от предмета самому предмету или нет. Если да, то перед нами языческое представление о том, что предмет обладает внутренней силой. Вряд ли автор руководствуется исключительно поэтической формой загадки, олицетворяя материальный предмет. Скорее это объясняется «духовным» (в прямом и переносном смысле) характером последнего, т. е. Библии.

Во многих загадках, даже имеющих прямые параллели среди загадок на латыни, все еще присутствуют языческие элементы, а потому такие загадки вызывают множество противоречий при их трактовке. Есть в Эксетерском кодексе несколько загадок на сюжеты из Библии, но часто они могут истолковываться и как сюжеты древнегерманской мифологии, накладывающиеся на библейские; в иных случаях последние трансформируются так, что понимать их как чисто библейские нельзя. Христианство лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. В связи с этим нужно заметить, что язычество и его элементы не следует воспринимать как нечто совершенно чуждое христианству, как его

антипод во всех отношениях и компонентах. Язычество в течение веков, еще в дохристианскую пору, эволюционировало и во многом сохраняло наслоения разных периодов. Об этом свидетельствуют письменные памятники древнеанглийского языка, сочетающие в себе элементы фольклорных и авторских произведений времен после христианизации. Загадки, написанные на народном древнеанглийском языке (в отличие от загадок, созданных в Англии на латыни), кажется, сами находятся на периферии языческой и христианской традиций: люди, умевшие создавать поэтические произведения на родном языке, могли примирить в себе и без колебания соединять священное и профанное. Мировоззрение, которое нашло свое отражение в загадках, может рассматриваться как народное христианское.

Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1994.

Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

Леннурт Л. Древность и средневековье [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.norse.narod.ru/articles/lennurt.html

Смирницкая О. А. Эпос северной Европы. Пути развития. М., 1989.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1997.

Branton B. The Lost Gods of England. L., 1974.

Porter J. Anglo-Saxon Riddles. Norfolk, 2003.

The Exeter Book Riddles / Translated and introduced by Kevin Crossley-Holland. Penguin, 1993.

Статья поступила в редакцию 19.03.07.

В. Н. Соломеина

МЕМУАРЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается самоопределение личности в мемуарах Петровского времени в двух аспектах: как выбор пути и как рост личностного начала. Выбор индивидуального пути может совпадать с магистральным направлением развития страны и может осложняться особенностями переходного времени и личными качествами человека. Рост личностного начала связывается с появлением жанра автобиографии и проявлением авторского «я» в других жанрах (путевые записки). Исследование ведется на материале путевых записок и автобиографий современников эпохи.

Особенностью Петровской эпохи (конец XVII — первая четверть XVIII в.) является ее переходный характер, когда человек осознает несовершенство традиционных форм жизни и открывает красоту новых форм. Идеи, заполнившие ментальное пространство Петровской эпохи, были, безусловно, эволюционные, но их реализация отличалась крайней грубостью и часто носила отталкивающий характер. Старые формы вступали